

Игра судьбы

Отрывокъ истинной исторіи.

OCR Бычков М.Н.

<http://az.lib.ru>

Фридрихъ Г*, имѣя рѣдкія природныя способности, былъ воспитанъ благоразумнымъ отцомъ для свѣта, и душа его рано украсилась цвѣтами всѣхъ пріятныхъ наукъ. Онъ вступилъ въ военную службу Государя своего {Одного владѣтельнаго Нѣмецкаго Принца.}, которой скоро замѣтилъ въ немъ умъ необыкновенный. Г* пылалъ, такъ сказать, огнемъ юности: Государь также. Г* былъ живъ, предприимчивъ: Государь любилъ такіе характеры. Г* умѣлъ блестящимъ остроуміемъ и жаромъ идей одушевлять свое обхожденіе, своею веселостію веселить другихъ и представлять все въ любезномъ видѣ, а Государь умѣлъ цѣнить такія достоинства, которыя были въ немъ самомъ. Всѣ его предпріятія и даже забавы показывали какое то величіе духа; препятствія не казались ему страшны, и неудачи усиливали только его желаніе. Къ такимъ блестящимъ свойствамъ надобно еще прибавишь наружную красоту, образъ цвѣтущаго здоровья и Геркулесовой силы, одушевленный краснорѣчивою игрою живаго ума; въ глазахъ, видѣ и походкѣ природное величество, смягчаемое благородною скромностію. Нравъ, разумъ и наружность вмѣстѣ плѣнили Принца такъ, что онъ безпрестанно хотѣлъ быть съ любезнымъ своимъ Г*. Одинакія лѣта, склонности и характеры произвели между ими такую связь, которая имѣла всю твердость дружбы и всю пылкость страсти. Г* летѣлъ въ чинахъ, но чины казались Принцу еще слабымъ изъясненіемъ его чувства. Щастье сего любимца расцвѣло вдругъ: ибо оно было твореніемъ его страстнаго друга. Двадцати двухъ лѣтъ видѣлъ онъ себя на той степени, которою обыкновенные щастливцы заключаютъ свое теченіе. Но дѣятельный духъ его не могъ довольствоваться пустымъ блескомъ милости, которою хотѣлось ему на самомъ дѣлѣ пользоваться. Между тѣмъ, какъ Государь стремился за вѣтреными удовольствіями, любимецъ сидѣлъ надъ книгами и с бумагами, съ неутомимымъ прилѣжаніемъ посвящая себя дѣламъ, въ которыхъ наконецъ онъ столько успѣлъ, что всякое, хотя не много важное, шло черезъ его руки. Товарищъ въ игрѣ и забавахъ сдѣлался первымъ Совѣтникомъ и Министромъ Государя; одинъ раздавалъ награжденія, одинъ чины и достоинства.

Въ такихъ молодыхъ лѣтахъ и такъ скоро получивъ всѣ дары фортуны, человѣкъ не можетъ наслаждаться ими съ умѣренностію, Голова любимца закружилась на сей высотѣ; достигнувъ до послѣдней цѣли своихъ желаній, онъ оставилъ за собою скромность. униженіе знатныхъ, почтенныхъ стариковъ передъ юношею, произвело въ немъ надменность, а неограниченная власть Министра скоро открыла въ характерѣ его какую-то жестокость, которая прежде скрывалась подъ цвѣтами. У него не было труднаго и невозможнаго для друзей; но непріатели его трепетали! Онъ не зналъ мѣры ни въ благодѣяніяхъ, ни въ мести; обогащалъ другихъ болѣе, нежели самого себя, для того, чтобы они обожали въ немъ творца ихъ щастія; но *минутная мысль*, а не справедливость, управляла его благодѣяніями. Своею гордою повелительностію онъ удалялъ отъ себя сердца одолженныхъ, а тайныхъ совмѣстниковъ своихъ превращалъ въ жестокихъ непріателей.

Въ числѣ людей, смотрѣвшихъ на всѣ дѣла его глазами ядовитой зависти и втайнѣ готовившихъ его паденіе, былъ Мартиненго, Италіанской Графъ, котораго самъ Г* помѣстилъ при Дворѣ какъ человѣка совсѣмъ неопаснаго, чтобы онъ въ ежедневныхъ Принцевыхъ весельяхъ занялъ его мѣсто, оставленное имъ для Министерской дѣятельности. Почитая сего Италіянца дѣломъ рукъ своихъ, которое онъ по волѣ могъ въ одну минуту разрушить, Г* хотѣлъ привязать его къ себѣ и страхомъ и благодарностію; но сдѣлалъ такую же ошибку, какъ Ришелье, которой позволилъ молодому Лиграну веселить Лудовика XIII, съ тою розницею, что Г* не умѣлъ поправить сей ошибки такъ скоро, какъ Ришелье, и что врагъ его былъ гораздо хитрѣе Лиграна. Мартиненго не только не гордился своимъ щастьемъ; не только боялся показать, что покровитель ему уже не надобенъ; но всячески изъяснялъ свою покорность и зависимость въ разсужденіи Министра. Между тѣмъ онъ старался какъ можно чаще быть съ Принцемъ, болѣе и болѣе входящъ къ нему въ довѣренность, и дѣлаться ему нужнымъ; скоро узналъ наизусть его характеръ, и не примѣтнымъ образомъ вошелъ къ нему въ особенную милость. Всѣ хитрости, презрѣнныя благороднымъ и гордымъ Министромъ, были употреблены Италіянцемъ, которой не упускалъ и самыхъ подлыхъ средствъ для успѣха въ своихъ намѣреніяхъ. Зная, что на пути порока всего нужнѣе человѣку вождь и